

ИЦЗИН

КНИГА ПЕРЕМЕН

Санкт-Петербург

УДК 14
ББК 87.3(5Кит)
И 11

易經

Перевод с древнекитайского, статьи и примечания
Юлиана Щуцкого и Евгения Торчинова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

- © Ю. К. Щуцкий (наследники), перевод, статьи, примечания, 2023
- © Е. А. Торчинов (наследник), перевод, статьи, примечания, 2023
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-20873-5

ИЦЗИН
КНИГА ПЕРЕМЕН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

ВСТУПЛЕНИЕ

Это вступление обращено к читателю-некитаеведу. Оно необходимо как своего рода путеводитель по предлагаемой ниже работе, оно должно ориентировать читателя в вопросах, без учета которых не будет понятна сама «Книга Перемен» и, более того, не будет понятно, почему автор взялся за перевод и исследование памятника, так мало на первый взгляд говорящего современному читателю. Кроме того, именно в этом вступлении должна быть приведена и объяснена основная терминология памятника, которая постоянно будет употребляться ниже и без которой нельзя обойтись в специальной работе о «Книге Перемен».

Мы предприняли эту работу, потому что, изучая материалы к истории китайской философии, постоянно сталкивались с необходимостью предпослать исследованию каждой философской школы предварительные исследования «Книги Перемен» — основного и исходного пункта рассуждений почти всех философов Древнего Китая.

«Книга Перемен» стоит на первом месте среди классических книг конфуцианства и в библиографических обзорах китайской литературы. Это понятно, так как библиология и библиография в феодальном Китае были созданы людьми, получившими традиционное конфуцианское образование. Библиографы старого Китая непоколебимо верили традиции (не исконной, но достаточно старой), относившей создание «Книги Перемен» в такую глубокую древность, что никакая другая классическая книга не могла конкурировать с ней в хронологическом первенстве, хотя фактически «Книга Перемен» — вовсе не самый древний из памятников китайской письменности, и это установила китайская же филология.

Однако, независимо от традиции, независимо от конфуцианства, «Книга Перемен» имеет все права на первое место в китайской

классической литературе — так велико ее значение в развитии духовной культуры Китая. Она оказывала свое влияние в самых разных областях: и в философии, и в математике, и в политике, и в стратегии, и в теории живописи и музыки, и в самом искусстве: от знаменитого сюжета древней живописи — «8 скакунов» — до заклинательной надписи на монете-амulette или орнамента на современной пельнице.

Не без досады, но и не без удовлетворения мы должны предоставить «Книге Перемен» безусловно первое место среди остальных классических книг и как труднейшей из них: труднейшей и для понимания, и для перевода. «Книга Перемен» всегда пользовалась славой темного и загадочного текста, окруженного огромной, подчас весьма расходящейся во мнениях литературой комментаторов. Несмотря на грандиозность этой двухтысячелетней литературы, понимание некоторых мест «Книги Перемен» до сих пор представляет почти непреодолимые трудности — столь непривычны и чужды нам те образы, в которых выражены ее концепции. Поэтому да не посетует читатель на пишущего эти строки, если некоторые места перевода данного памятника не окажутся понятными при первом чтении. Можно утешить себя только тем, что и на Дальнем Востоке оригинал «Книги Перемен» не понимается так просто, как другие китайские классические книги.

Чтобы посильно помочь читателю, мы здесь остановимся на плане нашей работы, на внешнем описании содержания «Книги Перемен» и на ее главнейшей технической терминологии.

Наша работа разделяется на три части: в первой из них излагаются основные данные, достигнутые при изучении этого памятника в Европе, Китае и в Японии. Вторая часть представляет собою сжатое изложение данных, полученных нами при исследовании тринадцати основных проблем, связанных с «Книгой Перемен». Третья часть отведена переводам книги.

Текст «Книги Перемен» неоднороден как со стороны составляющих его частей, так и со стороны самих письменных знаков, в которых он выражен. Кроме обычных иероглифов, он содержит еще особые значки, состоящие из двух типов черт, *сяо*. Один тип представляет собою целые горизонтальные черты: они называются *ян* («световые»), *ган* («напряженные») или, чаще всего, по символикe чисел, *цзю* («девятки»). Другой тип черт — это прерванные по середине горизонтальные черты: они называются *инь* («тенивые»), *жоу*

(«податливые») или, чаще всего, по символике чисел, *лю* («шестерки»). В каждой значке шесть таких черт, размещенных в самых различных комбинациях, например: ☰ ☱ ☲ и т. п. По теории «Книги Перемен», весь мировой процесс представляет собою чередование ситуаций, происходящее от взаимодействия и борьбы сил света и тьмы, напряжения и податливости, и каждая из таких ситуаций символически выражается одним из этих знаков, которых в «Книге Перемен» всего 64. Они рассматриваются как символы действительности и по-китайски называются *гуа* («символ»). В европейской китаеведческой литературе они называются гексаграммами. Гексаграммы, вопреки норме китайской письменности, пишутся снизу вверх, и в соответствии с этим счет черт в гексаграмме начинается снизу. Таким образом, первой чертой гексаграммы считается нижняя, которая называется «начальной», вторая черта — это вторая снизу, третья — третья снизу и т. д. Верхняя черта называется не шестой, а именно верхней (*шан*). Черты символизируют этапы развития той или иной ситуации, выраженной в гексаграмме. Места же от нижнего, «начального», до шестого, «верхнего», которые занимают черты, носят название *вэй* («позиции»). Нечетные позиции (начальная, третья и пятая) считаются позициями света — *ян*; четные (вторая, четвертая и верхняя) — позициями тьмы — *инь*. Естественно, только в половине случаев световая черта оказывается на световой позиции и теневая — на теневой. Эти случаи называются «уместностью» черт: в них сила света или тьмы «обретает свое место». Вообще это рассматривается как благоприятное расположение сил, но не всегда считается наилучшим. Таким образом, мы получаем следующую схему:

Позиция	Их названия	Их предрасположенность
6	верхняя	тьма
5	пятая	свет
4	четвертая	тьма
3	третья	свет
2	вторая	тьма
1	начальная	свет

Таким образом, гексаграмма с полной «уместностью» черт — это 63-я ☱, гексаграмма с полной «неуместностью» черт — это 64-я ☲.

ИЦЗИН. КНИГА ПЕРЕМЕН

Уже в древнейших комментариях к «Книге Перемен» указывается, что первоначально было создано восемь символов из трех черт, так называемые триграммы. Они получили определенные названия и были прикреплены к определенным кругам понятий. Здесь мы указываем их начертания и их основные названия, свойства и образы:

Знак	Название	Свойство	Образ
☰	<i>цян</i> (творчество)	крепость	небо
☷	<i>кун</i> (исполнение)	самоотдача	земля
☳	<i>чжэнь</i> (возбуждение)	подвижность	гром
☴	<i>кань</i> (погружение)	опасность	вода
☶	<i>гэнь</i> (пребывание)	незыблемость	гора
☱	<i>сунь</i> (утончение)	проникновенность	ветер
☲	<i>ли</i> (сцепление)	ясность	огонь
☵	<i>дуй</i> (разрешение)	радостность	водоем

Уже из этих понятий можно заключить, как в теории «Книги Перемен» рассматривался процесс возникновения, бытия и исчезновения. *Творческий* импульс, погружаясь в среду меона — *исполнения*, действует прежде всего как *возбуждение* последнего. Далее наступает его полное *погружение* в меон, которое приводит к созданию творимого, к его *пребыванию*. Но так как мир есть движение, борьба противоположностей, то постепенно творческий импульс отступает, происходит *утончение* созидających сил, и дальше по инерции сохраняется некоторое время лишь сцепление их, которое приходит в конце концов к распаду всей сложившейся ситуации, к ее *разрешению*.

Каждая гексаграмма может рассматриваться как сочетание двух триграмм. Их взаимное отношение характеризует данную гексаграмму. При этом в теории «Книги Перемен» принято считать, что нижняя триграмма относится к внутренней жизни, к наступающему, к создаемому, а верхняя — к внешнему миру, к отступающему, к разрушающемуся, т. е.

- ☰ } внешнее, отступающее, разрушающееся
- ☷ } внутреннее, наступающее, созидющееся

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Кроме того, гексаграмма иногда рассматривается и как состоящая из трех пар черт. По теории «Книги Перемен», в мире действуют три космические потенции — небо, человек, земля:

== } небо
 == } человек
 == } земля

Существует также выработанная в гадательной практике ицзинистов символика отдельных позиций гексаграммы:

Позиции	Значение		
	в обществе	в человеческом теле	в теле животного
6	совершенный человек	голова	голова
5	царь	плечи	передние ноги
4	придворный	туловище	передняя часть туловища
3	вельможа	бедра	задняя часть туловища
2	служилый	голени	задние ноги
1	простолюдин	ступни	хвост

Бывали и иные способы рассмотрения структуры гексаграмм, но полное перечисление их для наших целей излишне. Поэтому мы ограничиваемся лишь следующими указаниями.

В верхней и в нижней триграмме аналогичные позиции имеют ближайшее отношение друг к другу. Так, первая позиция стоит в отношении аналогии к четвертой, вторая — к пятой и третья — к шестой.

Далее, полагали, что свет тяготеет к тьме так же, как тьма к свету. Поэтому и в гексаграмме целые черты корреспондируют прерванным. Если соотносительные позиции (1–4, 2–5, 3–6) заняты *различными* чертами, то считается, что между ними «есть соответствие»; в случае однородности черт на соотносительных позициях между ними «соответствия нет».

Особенное внимание уделяется при анализе гексаграммы второй и пятой позициям. Каждая из них является (в нижней или в верх-

ней триграмме) центральной, т. е. такой, в которой самым совершенным и *уравновешенным* образом выявляются качества триграммы.

Кроме того, при анализе гексаграммы принято считать, что большее значение приобретают черты световые или теньевые, если они в меньшинстве. Так, в гексаграмме ☵ единственная теньевая вторая черта «управляет» остальными чертами и является для них центром тяготения.

Вторая часть текста «Книги Перемен» написана обычными для китайского языка иероглифами и представляет собою интерпретацию гексаграмм в целом, отношения составляющих их триграмм и отдельных черт. Это, собственно, и есть текст «Книги Перемен». Он неоднороден, принадлежит разным авторам и создан в разное время.

В этом тексте мы прежде всего различаем основной текст и прилегающие к нему комментарии, которые издавна уже как бы срослись с основным текстом, так что последующая весьма обильная комментаторская литература развилась вокруг основного текста и приложенных к нему комментариев.

В основной текст входят следующие двенадцать составных частей.

I. Название гексаграммы, *гуа-мин*; позднее были приписаны названия составляющих ее триграмм.

II. Гадательная формула, выраженная при помощи четырех терминов (качеств), так называемая *сыдэ*; термины эти: *юань* (начало), *хэн* (проникание, развитие), *ли* (благоприятность, определение) и *чжэн* (стойкость, бытие). Эти термины присутствуют полностью или частично или же отсутствуют.

III. Афоризмы по поводу гексаграммы в целом, *гуа-цы*, — они бывают более или менее развитыми. Иногда включают в себя «четыре качества» или одно из четырех основных мантических предсказаний (счастье, несчастье, раскаяние, сожаление), которые, по-видимому, являются позднейшей вставкой в текст, как и пояснительные слова типа «хулы не будет», «хвалы не будет», «ничего благоприятного» и т. п.

IV. Афоризмы при отдельных чертах, *яо-цы*; по языку и по типу они очень близки к тексту III и включают в себя такие же слагаемые. Все остальные тексты (V–XII) представляют собой древнейшие комментарии, составленные значительно позже, чем основной текст.

V. Комментарий к тексту III, «Туань-чжуань». В этом комментарии гексаграмма рассматривается со стороны составляющих ее триграмм, черт и т. п., и на этой основе разъясняется текст III.

VI. Большой комментарий образов, «Да сян-чжуань», где гексаграмма рассматривается с точки зрения образов триграмм, ее составляющих, и дается указание этического порядка. Как и вся «Книга Перемен», V и VI тексты на грани 30-й и 31-й гексаграмм *механически* делятся на первую и вторую части.

VII. Малый комментарий образов, «Сяо сян-чжуань». Он совершенно отличен и по своим задачам, и по языку от предыдущего и представляет собою комментаторские приписки к афоризмам текста IV. Объяснения в нем даются главным образом применительно к технике гадания, основываются на структуре гексаграммы и к философскому осмыслению «Книги Перемен» отношения не имеют. Происхождение этого текста сравнительно позднее.

VIII. Комментарий к афоризмам, «Сицы-чжуань», или «Дачжуань» — «Большой комментарий»; он представляет собою своего рода трактат, в котором излагаются основы философской концепции «Книги Перемен» (онтология, космология, гносеология и этика), техника гадания по Книге и своего рода история культуры Китая в глубокой древности. Он сравнительно поздно был включен в состав памятника, но, несомненно, является самым интересным для истории китайской философии. Он также механически делится на две части.

IX. Толкование триграмм, «Шогуа-чжуань». Текст состоит из двух неравных частей. Первая, значительно меньшая, по своему характеру, языку и тематике примыкает к тексту VIII и попала в текст IX, по-видимому, по ошибке переписчиков. Вторая, большая часть содержит отдельные характеристики триграмм, классификацию их и предметов мира по категориям триграмм. По характеру текст этой части совершенно отличен от первой и сильно напоминает мантические спекуляции первых ханьских комментаторов.

X. Толкование порядка гексаграмм, «Сюйгуа-чжуань». Текст сильно отличается от всех остальных текстов «Книги Перемен». В нем развивается и аргументируется последовательность расположения гексаграмм в «Книге Перемен». Этот текст заслуживает большего внимания, чем то, которое ему обычно уделяется. Только Чэн И-чуань (XI в.) разработал его еще более последовательно и превратил в небольшие вступления к каждой гексаграмме. Текст этот весьма ценен как материал для истории приемов мышления в Китае.

XI. Разные суждения о гексаграммах, «Цзагуа-чжуань». Это нечто вроде продолжения или, вернее, остатки второй части текста IX. Большой ценности он не представляет.

XII. Глосса, по-китайски «Вэньянь-чжуань», в которой дается объяснение терминов текста первых двух гексаграмм. Это очень пестрый текст, полный повторений, по-видимому составленный из древнейших цитат устной мантической традиции наряду с более поздними интерпретациями терминов. По существу, этот текст теряется в море аналогичных комментаторских глосс, и он остался бы незамеченным, если бы давняя, но необоснованная молва не связала его с именем Конфуция.

В разных изданиях «Книги Перемен» эти тексты располагаются различно, но в общем сохранились две системы расположения текстов. Во-первых, более древняя система, в которой тексты I, II, III и IV идут не один по окончании другого, а так: 1-я гексаграмма, относящийся к ней текст I, II, III и IV, затем текст XII, относящийся к ней; после этого 2-я гексаграмма, относящийся к ней текст I, II, III, IV и XII; затем 3-я гексаграмма с той же последовательностью текстов (кроме XII) и т. д. После текстов 64-й гексаграммы помещаются один за другим тексты V, VI и VII, VIII, IX и XI. Во-вторых, более поздняя система расположения текстов, которая отличается от первой только тем, что тексты V, VI и VII разнесены по гексаграммам, причем тексты V и VI помещаются непосредственно после текста IV, а VII текст разнесен под соответствующими отдельными афоризмами текста IV. Эта система уже засвидетельствована в комментаторской литературе III в. н. э. Такое различие расположения текстов уже указывает, что с давних пор и в комментаторских школах замечали неоднородность текста «Книги Перемен». Как документ ценны тексты I, II, III и IV, как более развитые комментарии — тексты V, VI, VIII и X. Остальные же тексты мало способствуют пониманию «Книги Перемен» и во многом уступают позднейшим комментариям. В настоящей работе главное внимание уделено основному тексту и лишь побочное — комментариям V, VI, VIII и X.

Глава I

ПОЯВЛЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ «КНИГИ ПЕРЕМЕН» В ЕВРОПЕ

Вряд ли кому надо доказывать то, что изучение китайского литературного наследия невозможно без основательного исследования так называемых классических, или канонических, книг. Они

лежали в основе всякого образования на протяжении столетий как в самом Китае, так и в Японии, и в Корее, и во Вьетнаме, и в других государствах, усвоивших китайскую культуру: царствах Ляо, Цзинь, Сися и т. п. В настоящее время если канонические книги и перестали быть основой образованности, то все же их там продолжают изучать в высшей школе.

Среди же этих китайских классических книг главное место занимала «Книга Перемен» («Ицзин», или «Чжоу И»). Мы можем назвать ее первой книгой в китайской библиотеке. Можно себе представить на основании этих вводных замечаний, сколь необходимо для синологии изучение этого памятника древнекитайской литературы.

Однако насколько это изучение необходимо, настолько оно и трудно. Так, один из ранних переводчиков «Книги Перемен», Дж. Легг, вспоминал: «Я написал перевод „Ицзина“, заключающий в себе и текст приложения, в 1854 и 1855 гг.; и я должен признать, что, когда рукопись была закончена, я знал очень мало об объеме и методе этой книги...» Заметим, что Дж. Легг был не первым европейским исследователем этой «таинственной классической книги». Правда, и его продолжатели хотя и были, так сказать, смелее в своих гипотезах (я имею в виду прежде всего фантастичнейшего среди китаеведов Терьена де Лакупри), но не обладали достаточной смелостью, чтобы столь же чистосердечно, как Легг, с первых же строк признаться в своем непонимании.

Конечно, первым исследователям было особенно трудно понять наш памятник, ибо они не располагали еще той оборудованной справочниками и позже появившимися исследованиями, статьями, китаеведной лабораторией, которой обладает китаевед в наше время. Однако даже теперь, несмотря на эту лабораторию, работу во многом приходится начинать сначала, ибо справочники и многие специальные работы еще далеки от совершенства.

Возьмем для примера один из самых распространенных китайских словарей-справочников, призванных давать наиболее общие сведения, словарь «Цьюань». О «Чжоу И» мы читаем в нем следующее: «„Чжоу И“ — название книги. Сочинена Вэнь-ваном, Чжоу-гунном и Конфуцием. Исходя из восьми триграмм, которые были начертаны Фу Си, они, наложив их друг на друга, создали 64 гексаграммы и 384 черты. Когда при Цинях сжигали книги, „Чжоу И“ уцелела как гадательная книга. Поэтому среди всех классических книг она наиболее полна и хороша. Те, которые называют ее „Чжоу И“, счи-

тают, что такое название указывает на всеобъемлющий и универсальный характер системы этой книги (игра на одном из значений слова *чжоу* — „целый“, „круг“. — Ю. Ц.); другие полагают, что название „Чжоу“ идет от названия местности к югу от горы Ци, упоминаемой в строфе „Чжоуские равнины тучны-тучны“ (см. „Шицзин“, Да-я 1, 3, 3). Такое название дается этой книге для того, чтобы отличить (эту книгу) от Иньской И. Комментарий Чжэн Сюаня теперь уже утрачен. При династии Вэй был комментарий Ван Би. Танский Кун Ин-да составил к нему субкомментарий: это ныне называемый „Чжу люй бэнь“. Во время династии Тан был сборный комментарий Ли Дин-цзо. При Сунах появились „И-чжуань“ Чэн-цзы и „Бэнь“ Чжу-цзы». Вот все сведения о «Чжоу И», которые можно почерпнуть из словаря «Цьюань»! Такие же сведения содержатся и в других справочниках общего характера. Во всех них повторяется легенда, что «Книга Перемен» написана Вэнь-ваном, Чжоу-гуном и Конфуцием, хотя авторство Конфуция поставлено под сомнение в самом Китае уже около тысячи лет тому назад.

На Востоке борются две школы понимания и изучения «Книги Перемен»: одна, основанная на традиции, и другая, работающая на основе критической филологии. Эта борьба насчитывает около тысячелетия, причем и в Новейшее время традиция еще прочно удерживалась в работах многих современных ученых в Китае, Японии и в странах Запада.

На основании доступных нам источников¹ можно полагать, что первые сведения о «Книге Перемен» в Европе появились в предисловии книги, вышедшей в Париже в 1681 г.: «*Confuzius Sinarum philosophus, seu scientia Sinensis latine exposita studio et opera Patrum Societatis Jesu iussu Ludovici Magni e bibliotheca regia in lucem pro duit P. Couplet*». Только в 1736 г. был сделан первый перевод «Книги Перемен» на латынь иезуитским миссионером Регисом, который, в свою очередь, базировался на более ранних, но не датированных работах миссионеров: переводчика Жозефа де Майя и интерпретатора Петра дю Тартра. Перевод был сделан при помощи маньчжурской версии «Книги Перемен», и работа Региса свелась лишь к дополнению своими замечаниями труда его предшественников².

Еще до появления перевода «Книги Перемен» отрывочные сведения о ней возбуждали к себе интерес в Европе. Так, в 1753 г. вышла книга Хаупта об «Ицзине»³.

Достоин внимания, что в этой книге указывается Лейбниц как исследователь «Книги Перемен», создавший свою теорию ее интер-

претации. Этот вопрос сжато и хорошо изложен в рецензии Хауэра, указанной выше, и нам остается лишь напомнить то, что он пишет: «Из этой книги мы узнаём, что не кто-нибудь, а сам Лейбниц в Германии впервые занялся „Ицзином“. Он нашел в начертаниях царя (Фу Си. — Ю. Ц.) арифметическую *dyadicam*, или счисление двумя числами, и в соответствии с этим вся книга была им объяснена так, что можно мыслить разумное в связи с [ее] линиями и начертаниями. Он не замедлил также довести до сведения китайцев свое новое объяснение. В конце концов он написал миссионеру П. Буре, который тогда находился в Китае, и хотя нам известно, что данный па-тер оценил это объяснение и выразил свое удовлетворение им в своем ответном письме к г. барону фон Лейбницу, но все же мы не знаем, как восприняли ученые китайцы это открытие»⁴. Хаупт рассматривает гипотезу Лейбница в § 28–41 своего сочинения и переходит далее к двум другим рассуждениям, которые были опубликованы в 1745 г. Некий Ф. А. Книттель заявил, что «царь Фу Си предложил в своей книге только арифметические отношения, разность которых — половина» (§ 42–46), а некий Иоганн Генрих Газенбальд утверждал, что этот царь посредством искусства сочетаний хотел вывести все возможные виды умозаключений. По этой новой гипотезе, так называемая «Книга Перемен» должна быть главой из «Логики» царя Фу Си, остальная часть которой, по-видимому, утрачена (§ 47–51). Иоганн Томас Хаупт сам был совершенно хитроумным (*ist ganz schlau gewesen*). Он опровергает своих предшественников и провозглашает в § 52 свое решение загадки: «В чем же содержание книги Ye-kim? Я отвечаю: „Es enthält dasselbe nichts anderes als alle Facta eines Cubocubus, oder mich nach der Art der arabischen Mathematiklehrer auszudrücken, eines Zensicubus, dessen Wurzel aus zwei Teilen bestehet (*radicis binomiae*) und worin die Cubicubi der Teile und alle Facta desselben je zwei und zwei dergestalt gegen einander geordnet sind, dass die Helfte der Factorum des einen Facti mit der Helfte der Factorum des andern dem ersten gegenüberstehenden Facti den ubrigen Helften der Factorum in beiden Factis einander gleich ist“»⁵. «И таким образом, — продолжает автор, — так называемая книга Ye-kim является подлинным остатком от счисления, изобретенного царем Фу Си».

Для каждого, кто знаком с первоисточником, с развитием интерпретации этого памятника в Китае, совершенно очевидна вся искусственность приведенных выше взглядов первых европейских исследователей данного памятника. Вряд ли можно оспаривать легендарность личности Фу Си, которого эти исследователи принимали

на веру. Но если проблема авторства Фу Си отпадает сама собой, то теория о логическом и математическом значении «Книги Перемен» требует некоторых рассуждений для того, чтобы быть окончательно отвергнутой. Разберем сначала мнение о ней как о логическом трактате.

Каждому, кто основательно знаком с историей китайской философии, известно, что древние философы не оставили после себя трактатов по логике. Известно, что формальная логика, изложенная систематически, появилась в Китае только с распространением буддизма — в переводах индийских логических трактатов. Правда, в Новейшее время как в Китае (Лян Ци-чао), так и в Европе (Масперо) делались попытки усмотреть трактат по логике в главах «Моцзин» и «Моцзин-шо» из книги Мо-цзы. Однако эти попытки основываются на восстановленном тексте, в котором предполагаемые лакуны заполнены таким количеством реконструированных фраз, что подлинность текста становится по меньшей мере сомнительной. Допустим даже, что Мо-цзы — логик. Но не характерно ли то, что его школа при его учениках еще, по-видимому, конкурировала со школами конфуцианцев и даосов, в следующих же поколениях не нашла продолжателей, несмотря на то что и конфуцианство, и даосизм развивались дальше на протяжении ряда столетий и представлены в самых разнообразных течениях? Буддийской логике, как известно, не пришлось конкурировать с «логикой Мо-цзы». Как же, учитывая это, можно утверждать, что логика была разработана уже во времена легендарного Фу Си?

Приблизительно теми же аргументами отводится и математическая интерпретация «Книги Перемен», хотя она исходит от такого мыслителя, как Лейбниц. Но дело в том, что те сложные математические представления, о которых говорят сторонники математической интерпретации, не могли иметь места в Китае в эпоху создания данного памятника, т. е. в VIII–VII вв. до н. э. Импонировать эта теория все же может, потому что: 1) зачатки теории чисел и примитивные наблюдения над равенством различных слагаемых (так называемые магические квадраты) издавна связывались легендой с мифом о происхождении «Книги Перемен»; 2) в одной из комментаторских школ, развивавших сентенции «Сицы-чжуань» о гадании, была разработана каббалистика чисел и, наконец, 3) в 64 гексаграммах, которые представляют собою фигуры, составленные из целых или прерванных черт, расположенных шестью слоями, нельзя не заметить математический ряд перестановок из двух элементов по шес-

ти. Однако и эти основания для математической интерпретации неубедительны. Первые два из них отпадают как основанные не на историческом документе, а на легенде и апокрифах, треть же — в силу того, что математические закономерности могут быть усмотрены и в таких явлениях мира, которые не имеют прямого отношения к математике, хотя и могут изучаться математическими методами. Поэтому если мы и признаем, что в гексаграммах «Книги Перемен» действует математическая закономерность числа перестановок из двух элементов по шести, то мы категорически отрицаем, что в этой закономерности сокрыта суть нашего памятника или что она является забытым (?) содержанием его. Всем этим теориям, правда, нельзя отказать в остроумии, но они основаны на поверхностном знакомстве с памятником.

Для полноты картины этого периода изучения «Книги Перемен» в Европе необходимо еще упомянуть только Шумахера, о котором А. Форке⁶ пишет всего несколько строк: «Nach I. P. Schumacher (Wolfenbüttel, 1763) enthält das Yiking eine Geschichte der Chinesen, eine Ansicht, welcher auch der P. Regis, der erste Uebersetzer zuzuneigen scheint». К этим словам А. Форке делает примечание: «Allerdings enthalten die Hexagramme 11, 54, 62, 63 einige historische Notizen, die sich auf die Jahre 1191 und 1320 v. Chr. beziehen (Edkins)⁷, aber von da bis zu einer Geschichte ist doch noch ein weiter Schritt». Конечно, упоминание имени исторического лица или географического пункта еще не делает «Книгу Перемен» историографией, но не следует забывать, что во второй части «Сицы-чжуань» развернута целая «история культуры» Древнего Китая. Она безусловно могла послужить материалом для мнения о том, что «Книга Перемен» — исторический памятник⁸. Мы можем, конечно, поставить под большое сомнение документальную ценность материалов «Сицы-чжуань», однако надо признать, что эта часть написана настолько хорошим и остроумным языком, что безусловно может импонировать. Его влиянию поддались, например, известный японский философ XVII в. Кумадзава Бандзан и, почти через три столетия, немецкий ученый Рихард Вильгельм, лучший из европейцев переводчик «Книги Перемен»⁹. Можно, конечно, оспаривать понимание данного места второй части «Сицы-чжуань» Вильгельмом, но подробно этого вопроса мы коснемся ниже. Здесь достаточно упомянуть, что мнение Шумахера основано не на четырех местах¹⁰ в тексте «Книги Перемен», а главным образом на целом пассаже «Сицы-чжуань». Поэтому мы не можем согласиться и с этой теорией, ибо она основана на некритиче-

ском смешении основного текста и комментария, каковым является «Сицы-чжуань». Кроме того, эта точка зрения допускает использование материала легенд в качестве исторического документа.

Никакого значения не имеет философско-этическая спекуляция, основанная на неправильном понимании текста, которую построил Пипер¹¹ в 1849 г.

Этими именами ограничивается первый период изучения «Книги Перемен» в Европе, занимающий более 150 лет и характеризующийся недостаточным знанием текста и построением разнообразных фантастических теорий. В настоящее время все эти работы утратили научное значение и могут упоминаться лишь в связи с историей изучения книги в Европе.

Второй период характеризуется появлением полных переводов памятника. На сравнительно небольшом отрезке времени (двадцать один год) выходят пять переводов его¹². О качестве их будет сказано ниже, здесь же мы разберем взгляды переводчиков нашего памятника на проблемы, связанные с ним. А так как и другие китаеведы, не давшие своих переводов памятника, но высказывавшие о нем свои мнения, основывались на этих переводах (отчасти же и на оригинале), то здесь уместно рассмотреть и их мнения.

В 1876 г. вышел в свет перевод Т. Макклатчи. Излишне повторять характеристику этого несовершенного перевода, ибо она не раз приводилась с достаточной определенностью. «Я проследил перевод Макклатчи от параграфа к параграфу, от фразы к фразе, но не нашел в нем ничего, что бы я мог с пользой применить в своем [перевод]», — писал Легг. Безосновательные заявления — таков «стиль работы» Макклатчи, и о нем излишне было бы упоминать, если бы не «оригинальность», импонирующая некоторым китаеведам¹³ и поныне. Его фантастические взгляды достаточно лаконично и полно пересказаны в цитированной книге А. Форке (с. 11–12): «Для Макклатчи „Ицзин“ — это космогония, основанная на дуализме *инь* и *ян*. С этим связано открытие фаллического культа в Древнем Китае, которое он обосновывает на одном месте в приложении III». Форке продолжает: «Нас поучают, что „Ицзин“, как и все языческие религиозные книги и священные писания, происходит от времени разделения сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета, или, по меньшей мере, они происходят из сообщений о тех временах. Предки всех языков, как говорит Моисей, должны были быть собраны в одном месте, где они запечатлели испорченные религиозные формы и взяли их с собой при расселении. „Ицзин“ был спасен от потопа „Великим

отцом“ современного рода человеческого. Он („Ицзин“) дает нам материализм древнего Вавилона и восемь божеств: Отца, сына и шесть детей — *Dii majorum gentium* (*MacClatchie T. The Symbols of the Yih-king // China Review. Vol. I. P. 152 ff.*). По „Ицзину“, первая и вторая гексаграммы — Цянь и Кунь — это Шан-ди (= бог), фаллос, бог язычников, гермафродит, или великая монада единства в языческом мире. „Цянь“ — мужской, а „Кунь“ — женский половой орган. Они оба соединены в одном кольце, или в фаллосе, в Тай-и, из которого происходит все бытие». Легт сопровождает эти слова восклицанием: «О стыд! Шан-ди отождествляется с Ваалом халдеев. Дракон — это *tembrum virile* и вместе с тем символ Шан-ди. Библия и „Ицзин“, Вавилон и Китай, мифология и сравнительная история религий, древность и современность образуют у Макклатчи дикую мешанину. К своим заявлениям он не приводит ни тени доказательств. У самих китайцев нет ни малейшего представления о фаллическом культе (ср.: *MacClatchie T. Phallic Worship // China Review. 1875/76. Vol. IV. P. 257 ff.*)»¹⁴. Вряд ли после такой характеристики можно говорить о произведениях Макклатчи иначе, как о наукообразном бреде.

Автором не менее безумной, но имевшей некоторый успех теории является Терьен де Лакупри¹⁵.

Основные мысли Лакупри сводятся к следующему. «Книга Перемен» — собрание действительно древних материалов, понимание которых впоследствии было утрачено, и потому они были использованы как гадательный текст. В основном книга не китайского происхождения. Ее занесли в 2282 г. до н. э. в Китай «люди из рода Бак» под водительством князя *Hu Nak-kunti* (= *Lu Nau Huang-ti*). На западе, откуда они пришли в Китай, они должны были ознакомиться с клинописью Западной Азии. Они еще прежде боролись с потомками Саргона (= Шэнь-нун). Эти «люди Бак» были знакомы с вавилонскими словарями, и «Книга Перемен» — только подражание последним. Лакупри исходит из верного наблюдения: в целом ряде гексаграмм в афоризмах к отдельным чертам повторяется название гексаграммы, но далеко не всегда оно повторяется шесть раз по числу шести черт¹⁶. Это наблюдение могло бы быть плодотворным, но Лакупри, исходя из него, вступает на путь жестокой расправы с текстом. Он вычеркивает из текста то, что ему мешает, причем не следует никакой системе. Одно и то же слово он или вычеркивает, или сохраняет в зависимости от того, что ему нужно доказать. Комментаторскую традицию он отбрасывает совсем. Основной текст берет-

И 11 **Ицзин. Книга Перемен** / пер. с др.-кит. Ю. Щуцкого, Е. Торчинова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 672 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-20873-5

«Ицзин» («Книга Перемен») — одна из древнейших книг китайской цивилизации и, пожалуй, одна из самых знаменитых. В основе ее лежат 64 гексаграммы, особые символы, призванные очертить определенные жизненные ситуации и раскрыть вопрошающему их дальнейшее развитие. Однако значение и смысл «Книги Перемен» выходят далеко за рамки «предсказателя судьбы». Своей мудростью «Ицзин» вдохновляла многие поколения философов, писателей и прочих людей, пытающихся найти ответы на основополагающие вопросы жизни и приподнять завесу над тайной бытия. Влияние «Ицзин» на мировую культуру трудно переоценить, недаром Густав Юнг, написавший подробный комментарий к англоязычному изданию, назвал ее мудрейшей из всех книг.

В настоящее издание включен классический перевод «Книги Перемен» Юлиана Константиновича Щуцкого с подробными примечаниями, а также редкий текст, созданный, как и многие ему подобные, под сильным влиянием «Ицзин», — даосский трактат XI века о достижении бессмертия под названием «Главы о прозрении истины» в переводе Евгения Алексеевича Торчинова.

УДК 14
ББК 87.3(5Кит)

Литературно-художественное издание

ИЦЗИН. КНИГА ПЕРЕМЕН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Станислава Кучепатова, Светлана Федорова,
Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.09.2023. Формат издания 60 × 88¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 41,16.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к.25.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-NFB-29788-01-R